

И. Б. Белова

**СУДЬБА БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ИЗ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ
И ПОЛЬШИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920 ГОДУ**

Рассматриваются особенности реэвакуации беженцев Первой мировой войны в 1920 г.: стихийное движение голодной беженской массы в начале весны к западной границе, а также на юг, юго-восток и в Сибирь, чему способствовали местные власти с целью разгрузки своих регионов, но безрезультатно противодействовал Центр; плановая реэвакуация с конца лета исключительно в Прибалтийские республики, характеризовавшаяся отсутствием четкой организации, нарушениями и злоупотреблениями.

This article focuses on the features of the re-evacuation of World War I refugees in 1920, i.e. the spontaneous movement of the hungry mass of refugees to the Western border, the South and South-East, as well as Siberia, in early spring, which was supported by local authorities aspiring to reduce the pressure on their own regions but opposed – to no effect – by the central authorities. The planned evacuation solely to the Baltic Republics at the end of summer of 1920 was accompanied by violations, abuse of power and the absence of proper organization.

Ключевые слова: беженцы Первой мировой войны, Центральное управление по эвакуации населения, плановая реэвакуация, Польская Республика, Прибалтийские республики, стихийное движение беженцев, голод, безработица.

Key words: World War I refugees, Central Evacuation Board, planned re-evacuation, Polish republic, Baltic Republics, spontaneous movement of refugees, starvation, unemployment.

В феврале 1920 г. Центральное управление по делам пленных и беженцев было реорганизовано в Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак), в ведении которого теперь находились все людские перевозки, кроме военных. В приказе НКВД от 26 февраля 1920 г. причины реорганизации объяснены «возникновением новых задач по переброске людских контингентов и необходимостью использовать для этого эвакуационный аппарат». Местные органы Центрэвака стали называться губернскими и уездными управлениями по эвакуации населения (губ- и уездэваками) [1, д. 74], в них также происходили структурные изменения. В губэваках сократили штаты, объединив подразделения и ликвидировав культурно-просветительные отделы (культпросветотделы) [5, оп. 3, д. 39, л. 167 – 169]. В сентябре 1920 г. место уездэваков заняли уполномоченные по эвакуации населения при уездных исполкомах. Согласно положению, принятому губисполкомами, уполно-

моченный, находясь при отделе управления уисполкомов, подчинялся губэваку. До 1 октября 1920 г. кандидатуры уполномоченных, предложенные уездисполкомами, были утверждены [1, д. 92].

Главной задачей уездэваков в 1920 г. стало участие в перевозках коренного крестьянского населения на работы государственного значения, в том числе в район Донецкого угольного бассейна, районы торфоразработок и т.д. Уездэваки центральных губерний Европейской России осуществляли перевозки коренного населения в районы Сибири как на постоянное место жительства, так и на временные сельскохозяйственные работы.

Что касается беженцев Первой мировой войны, размещенных в центре Европейской России, то их центральная власть в 1920 г. вновь, как и в 1919 г., оставила за рамками легального переселенческого движения в районы Сибири и юго-восточной России. Местные же власти в условиях отсутствия продовольствия и топлива способствовали переездам беженцев в хлебобордные губернии, выдавая им бесплатные проездные документы, стараясь найти различные уважительные причины, например воссоединение с семьей или просто с родственниками. Для этого отправляли вначале одного члена семьи, а затем постепенно и всех остальных [1, д. 81; 2, д. 1].

Ежегодно с приближением весны возрастало беспокойство беженцев по поводу перемещения на родину. Увеличивалось количество их обращений в местные органы Центрэвака или непосредственно в Москву. Не стал исключением и 1920 г. И местные власти, и беженцы получали из Центра ответ, что реэвакуация Советом обороны приостановлена [5, оп. 4, д. 120, л. 322]. Затем, в мае 1920 г., объявили, что поляки и украинцы переселению не подлежат в связи с Советско-польской войной. А латыши и литовцы будут эвакуироваться после улаживания взаимоотношений с правительствами Прибалтийских республик [5, оп. 4, д. 120, л. 339].

Одни губэваки ходатайствовали перед Центром об отправке беженцев, чтобы разгрузить железнодорожные станции и вагоны [5, оп. 4, д. 120, л. 338]. Другие мотивировали необходимость переброски беженского населения враждебным отношением к нему коренных жителей. Третьи — просто «критически-тяжелым положением во всех отношениях» [5, оп. 4, д. 120, л. 38]. Беженцы из Тульской губернии, где их в 1920 г. было только зарегистрированных более 4 тыс., из них более 1 тыс. из Прибалтики [5, оп. 4, д. 166, л. 338], настойчиво просили Центр о реэвакуации, а в случае отказа уведомляли о своей отправке пешком до западной границы и предупреждали, что ответственность за их гибель ляжет на Центрэвак [5, оп. 4, д. 166, л. 303, 304]. В начале февраля беженцы города Белёва готовы были ехать за свой счет и просили Центр разрешить им выдачу пропуска на выезд в западном направлении по причине «пятилетнего страдания» от голода и отсутствия средств [5, оп. 4, д. 120, л. 63–64]. Бывший русский военнопленный, бежавший из Германии в декабре 1918 г., уроженец Гродненской губернии, разыскивавший наконец в Тамбове свою семью, не имел средств самостоятельно выехать на родину. Он обратился за государственной помощью, заверяя советскую власть в своей абсолютной преданности и готовности «всецело стоять за нее, где бы он ни оказался, в т. ч. и в дру-

гом государстве» [5, оп. 4, д. 120, л. 460]. Это был практически единственный способ добиться безотлагательной отправки на родину, правда, при этом надо было еще состоять в компартии.

Около 3 тыс. беженцев из Воронежа, перемещенных в один из уездов, где их отказались принять, просили Центрэвак о реэвакуации или о хоть каком-нибудь водворении [5, оп. 4, д. 120, л. 376]. Группа из 400 гродненских беженцев просила товарища Ленина организовать их пропуск через фронт на родину или в производящие районы России, где за труд можно получать паек [5, оп. 4, д. 120, л. 454]. Отправка через фронт действительно имела место, однако 13 мая 1920 г. Центрэвак направил в Оршу предписание об ее прекращении [5, оп. 4, д. 120, л. 421]. Между тем движение через границу продолжалось и месяц спустя, согласно сообщению Особого отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) [5, оп. 4, д. 120, л. 422]. Добиваясь скорейшей реэвакуации, беженцы из Ельца Орловской губернии, в которой находилось более 15 тыс. уроженцев западных территорий, из них до 30 % из Прибалтики [4, д. 184, л. 717], направили в Москву протокол общего собрания от 2 мая 1920 г., из которого следовало, что хлеб в городе Ельце практически не выдавался, а когда это в редких случаях происходило, то по 100 г в день на человека. Частники продавали хлеб по 12 тыс. рублей за пуд. Отсутствовали крупа, мука, сахар, соль, мыло. В сельской местности продовольствие вообще не выдавалось. Местные крестьяне хлеб не продавали, а только обменивали. Но менять было уже нечего. Работы не было, а за помещение владельцы требовали плату. Далее в протоколе говорилось об эвакуации семей партийных работников в 1919 г.: «На наших глазах при наступлении Деникина нашлась возможность эвакуировать семейства коммунистов и через 5—6 месяцев возвратить их обратно» [4, д. 184, л. 270]. Беженцы из Волынской губернии, осевшие в Козельском уезде Калужской губернии, где ожидали отъезда на родину в общей сложности около 8,5 тыс. человек [5, оп. 3, д. 39, л. 168 об.], телеграфировали в Центр: «Ввиду очищения Волынской губернии от белых Красной армией... просим Центральное управление сделать немедленно распоряжение об отправке нас на родные места... Нам нет, где заработать, а пособия не выдают» [3, д. 1].

Губэваки и местная исполнительная власть и в 1920 г., не ограничиваясь ходатайствами о реэвакуации перед Центрэваком, по собственной инициативе отправляли беженцев не только на юг и восток, но и в западном направлении, т.е. ближе к родине. Например, в январе в Смоленск прибыло четыре вагона с беженцами из Тамбова без разрешения Центрэвака. Несмотря на все доводы против оставления их в Смоленске Центрэвак приказал разместить их в пределах губернии [5, оп. 4, д. 120, л. 71]. В городе Сухиничи Калужской губернии 24 января 1920 г. были задержаны беженцы, отправленные со станции Усмань, направлявшиеся на родину. Центр распорядился выгрузить их и разместить вне станционной территории, и это при том, что в Сухиничском уезде не знали, что делать со своими беженцами [5, оп. 4, д. 120, л. 39]. В феврале и марте в Смоленск продолжали прибывать беженцы, однако устанавливать, откуда они прибывали, уже не удавалось, так как беженцы не склонны были выдавать тех, кто способствовал их реэвакуации [5, оп. 4, д. 120, л. 131].

В апреле 1920 г. группу уроженцев Гродненской губернии Жидринский уездный исполком Брянской губернии отправил до Минска. Орловский губэвак в апреле и мае 1920 г. также реэвакуировал несколько групп уроженцев Гродненской, Радомской, Виленской и Холмской губерний до западной границы и несколько групп беженцев из Ковенской, Лифляндской и Курляндской губерний вовсе без проездных документов. Беженцев задержали на станции Брянск. Местный губэвак просил разрешения на «продвижение этих групп до Смоленска, но получил отказ и предписание отправить беженцев в Тулу, т.е. в обратном направлении. Беженцы, прибывшие в 10 вагонах в мае 1920 г. в Смоленск и задержанные там, телеграфировали Ленину: «Именем покойного Вашего брата... молим распорядиться отправить нас далее, на Родину, в худшем случае — оставить в Смоленске... Пожалейте несчастных детей наших...» Губэваки предупреждали об ответственности за несанкционированную отправку беженцев. К примеру, в апреле Тамбовскому губэваку предписали запретить всякую отправку беженцев, а непослушных арестовывать и заключать в концлагерь» [5, оп. 4, д. 120, л. 185].

В 1920 г. не прекращалось *самостоятельное* перемещение беженцев на запад. Упорно продвигаясь в этом направлении, беженцы «маскировались» под «мешочников». Центрэвак предписывал задерживать их и заключать в концлагеря [5, оп. 4, д. 120, л. 310, 341, 368, 383, 441]. Например, в Калужской губернии в первом полугодии 1920 г. Козельский уезд покинули 80 беженцев в мае и 112 в июне. Из оставшихся во втором полугодии в этом уезде умерли 125 беженцев, т.е. ежемесячно в среднем умирало 20,8 человека [3, д. 1]. Из Калужского уезда в первом полугодии уехали 97, из Лихвинского — 60 человек [5, оп. 4, д. 166, л. 39 об. — 40].

Надо отметить, что Губпродкомы с июня 1920 г. при выдаче нарядов на хлебпродукты уездпродкомам теперь уже официально перестали учитывать беженское население, которое следовало «удовлетворять из аванса для случайных выдач (два фунта на едока), если означенные беженцы действительно остро нуждаются». Состояние «острой нужды» удостоверяли уездэваки, например: «Беженец N. земли и запасов хлеба не имеет, продпайком не удовлетворялся, вследствие чего испытывает острую нужду в продовольствии для прокормления своей голодной семьи, состоящей из 6—7 человек» [5, оп. 4, д. 166, л. 39 об. — 40]. Уездэваки, не получавшие средств на оказание материальной помощи беженцам, обращались не только в продкомы, но и в другие советские организации, в том числе и собесы. К примеру, просили выдать единовременное пособие больным сыпным тифом, многодетным семьям [5, оп. 4, д. 166, л. 39 об. — 40] или ходатайствовали о выделении отдельным беженцам хоть какой-нибудь одежды или обуви.

Президиум Сухиничского исполкома Калужской губернии в июле 1920 г. направил Президиуму ВЦИК доклад о положении беженцев в городе с просьбой разрешить им «в виде исключения выехать на заработки в хлебородные губернии Украины (так в тексте. — И. Б.) и тем предотвратить массовые заболевания на почве голодовки». В докладе, где речь шла преимущественно об уроженцах Западной Белоруссии, реэвакуация которых из-за новой войны откладывалась на неопреде-

ленное время, отмечалось: «В Сухиничах проживает около 100 семейств беженцев, граждан Западного края, эвакуированных сюда во время Русско-Германской войны. Материальное их положение не может быть хуже того, в котором они находятся. <...> Здесь они не имеют посевных площадей, заработков, какого-либо хозяйства и не получают от продорганов никакого продовольствия, как не получают его все жители г. Сухиничи за исключением служащих и рабочих. Поэтому положение их крайне бедственное, и нужно задуматься, как эти люди еще находятся в живых и чем питаются. Но, наконец, всему есть предел. Беженцы стали группами обращаться в исполком с ходатайствами о разрешении им выехать на заработки в хлебородные губернии Украины... И они правы: не могут существовать не только беженцы, но и все советские работники, кои получают продовольственный паек, а о беженцах и говорить не приходится... поэтому... выходом почитается только стремительное бегство в Сибирь или на Украину» [3, д. 1].

В начале мая 1920 г. Сухиничский райисполком под свою ответственность удовлетворил ходатайство 13 беженцев и 10 местных жителей об отправке их с семьями на заработки в Таврическую и Херсонскую губернии [3, д. 1]. Теперь, направляя свой доклад в Центр, райисполком намеревался помогать беженцам покидать Сухиничский уезд легально, т.е. получив на это разрешение центральной власти. Все это предпринималось несмотря на то, что 1 марта 1920 г. всем местным исполкомам и Губэвакам был направлен циркуляр Центропленбежа, в котором говорилось: «Ввиду поступающих от коллегий пленбежа ходатайств о предоставлении подвижного состава для эвакуации на юг беженцев с принадлежащим им имуществом, настоящим сообщается, что вследствие полного использования провозной и пропускной способности дорог юга под воинские, продовольственные и топливные перевозки впредь до особого распоряжения подобные ходатайства будут оставаться без рассмотрения» [3, д. 1].

Москва в ответ рекомендовала местным властям всегда одно и то же, хотя и в разных редакциях: «...немедленно принять меры к охране жизненных интересов беженцев в соответствии с декретом СНК от 19 сентября 1919 г.» [5, оп. 4, д. 226, л. 19]. Это был декрет (декларация по сути) о *необходимости* использования труда беженцев и оказания помощи безработным и нетрудоспособным. Однако реальность была такова, что работать было практически негде, а государственная помощь из-за хронического отсутствия средств на местах носила чисто символический характер. СНК в августе 1920 г., констатируя, что «в ряде губерний урожай ниже среднего», предписал исполкомам Совдепов задерживать «мешочников, появляющихся в селах, предавать суду ревтрибунала; на домохозяев, продающих продукты, налагать сверх разверстки количество продуктов, равное проданному мешочнику» [6, с. 267]. При этом СНК принимает постановление (21 сентября 1920 г.) «Об отправке хлеба революционным рабочим Италии» (160 тысяч пудов) [6, с. 352]. Уездэвакам, видимо тоже с целью охраны жизненных интересов беженского населения, предлагалось задерживать едущих без разрешения через их территории и направлять их в отделы прину-

дительных работ [3, д. 1]. Немногочисленные беженцы, вывезшие и сохранившие свой рогатый скот, даже при отсутствии у них земельного участка и рабочей лошади подвергались реквизициям наравне с коренным населением. Беженцы, уличенные в продаже своего имущества, арестовывались как спекулянты [5, оп. 1 а, д. 2, л. 119].

В июне 1920 г. были наконец заключены договоры о реэвакуации беженцев с Латвией (от 12 июня 1920 г.) и Литвой (от 30 июня 1920 г.) [7, т. 2, с. 569—571], ратифицирован мирный договор с Эстонией. В июле — августе 1920 г. состоялось и подписание мирных договоров с Латвией и Литвой, ратифицированных в октябре того же года [7, т. 3, с. 25, 101—116]. Готовясь к предстоящей реэвакуации беженцев, местные эвакуоорганы стали «испрашивать» продовольствие, средства на перевозку беженцев к станциям посадки [4, д. 1, л. 73]. Летом началось оформление отъездов в Латвию «гужевым путем». Для отправки требовалось разрешение местных эвакуационных органов, Губчека и Центрэвака [5, оп. 1 а, д. 2, л. 97, 100, 105].

К многочисленным мытарствам, связанным с переселением беженцев, такими, как несвоевременное оповещение, недоставка до железнодорожной станции, необеспечение продовольствием в пути, невозвращение ценных вещей, собранных перед отъездом сопровождающими якобы для сохранности, обвинения в спекуляции при продаже беженцами имущества, надо добавить злоупотребление служебным положением и взяточничество должностных лиц на транспорте. Работники эвакуационных органов действительно показывали себя не с лучшей стороны. Например, уполномоченный Калужского губэвака Я. Извеков 28 сентября 1920 г. был командирован в Мосальский уезд, где должен был помочь беженцам из Литвы и Латвии доехать до Калуги с железнодорожных станций Барятинская и Спас-Деменск для их дальнейшего следования на родину. Итог его деятельности состоял в том, что вместо 30 сентября беженцев отправили в Калугу со станции Барятинская 9 октября после того, как начальник станции получил от них взятку деньгами и продуктами. Дело в том, что беженцы, приехав наконец в Калугу, обратились в губэвак по поводу случившегося, указав, что только после получения от них продуктов и 33 тыс. рублей начальником станции, они были отправлены в Калугу. Во время этого «томления» на станции Барятинская умер ребенок у беженки, муж которой перед своим отъездом (3 октября) на родину гужевым путем тоже преподнес начальнику станции «очень крупную взятку в виде денег и продуктов», со слов беженцев. Что касается второй станции отправления — Спас-Деменск, то там беженцы отправки так и не дождались, кроме того, они, по словам уполномоченного Я. Извекова, были ограблены «неизвестными лицами» [5, оп. 3, д. 35, л. 2—4].

В процессе реэвакуации в Прибалтику выяснилось, что перевозка беженцев в возрасте до 40 лет тормозилась российской стороной, что противоречило установленным ранее правилам. Уполномоченный Латвийской Республики по делам беженцев неоднократно выражал недовольство по этому поводу, ссылаясь на подписанные договоры между

Россией и Латвией. Когда, например, Орловский губэвак, в очередной раз 5 ноября 1920 г. задержав отъезд беженцев, отправил вместо 20 только 16 вагонов, Центрэваку пришлось разъяснять, как правильно применять секретную «Инструкцию по реэвакуации беженцев Латвии и Литвы». Не отправлять на родину беженцев моложе 40 лет было, конечно, нельзя. Однако делать это следовало только после реэвакуации всех остальных в определенной последовательности: сначала тех, кто не являлся ответственным советским служащим, кто получил со службы справку, что не возражают его уволить в связи с реэвакуацией, кто обременен большой семьей [5, оп. 3, д. 192, л. 4, 5].

Атмосферу, окружавшую беженцев в Советской России, латвийский представитель, принимавший участие организации отправки на пограничной станции Розеновская, охарактеризовал, не скрывая своего возмущения, следующим образом: «Это не Центрэвак, а БАРДАК... Вся ваша Россия такой же БАРДАК» [5, оп. 4, д. 246, л. 18]. Реэвакуация в Прибалтийские республики, начавшаяся к концу лета 1920 г., до конца года спасла от голода лишь часть беженцев — уроженцев этих республик. За это время Центрэвак перевез туда 186 328 человек [5, оп. 4, д. 85, л. 104].

Итак, в 1920 г. реформированному советскому эвакуационному аппарату — Центрэваку — были поручены все людские перевозки, кроме военных. В условиях жесточайшего продовольственного и топливного кризиса требовалось обеспечить рабочей силой производство общегосударственного значения, в том числе и сельскохозяйственное. Плановая реэвакуация беженцев в первом полугодии 1920 г. не производилась. В конце первого полугодия местные эвакуационные органы были проинформированы о том, что по причине начавшейся войны с Польшей отправка туда, а также в Западную Белоруссию и Украину осуществляться не будет. Что касается беженцев из Прибалтики, то все мероприятия по их отъезду задерживались из-за отсутствия соответствующих межгосударственных договоров.

При этом еще задолго до наступления весны активизировалось стихийное движение беженцев в направлении западной границы, нелегальное ее пересечение. Центр направлял усилия на организацию противодействия этому процессу, но ощутимых результатов не достиг. Голод и сопутствовавшие ему эпидемии, безработица гнали людей и в направлении на юг и юго-восток, а также в районы Сибири. С июня 1920 г. была отменена, теперь уже официально, выдача хлебобудовых продуктов беженцам в отличие от коренного населения, к которому беженцы были приравнены в 1919 г. Местные власти способствовали нелегальному беженскому движению *во всех направлениях*, стараясь разгрузить свои территории. Начавшаяся с конца лета 1920 г. массовая отправка беженцев в Прибалтийские республики сопровождалась множеством проблем, связанных с отсутствием четкой организации эвакуационной работы и взаимодействия центральной и местных эвакуационных структур, а также с нарушениями и злоупотреблениями в процессе реэвакуации.

Список источников и литературы

1. *Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-337. Медынское уездное управление по делам пленных и беженцев. Оп. 1. (Дела без нумерации листов).*
2. *ГАКО. Ф. Р-2250. Жиздринское уездное управление по эвакуации населения. Оп. 2. Д. 1. (Дела без нумерации листов).*
3. *ГАКО. Ф. Р-3284. Сухиничское уездное управление по эвакуации населения. Оп. 1. Д. 1. (Дела без нумерации листов).*
4. *Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-378. Орловское губернское управление по эвакуации населения. Оп. 1.*
5. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3333. Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) Наркомата по военным делам РСФСР / Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак) НКВД РСФСР.*
6. *Декреты Советской власти. Т. 10 (август – сентябрь 1920 г.). М., 1980.*
7. *Документы внешней политики : в 22 т. М., 1958 – 1992.*

Об авторе

Ирина Борисовна Белова – канд. ист. наук, ст. преп., Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского.
E-mail: irina-25.01@mail.ru

About author

Dr Irina Belova, Assistant Professor, Konstantin Tsiolkovsky Kaluga State University.
E-mail: irina-25.01@mail.ru